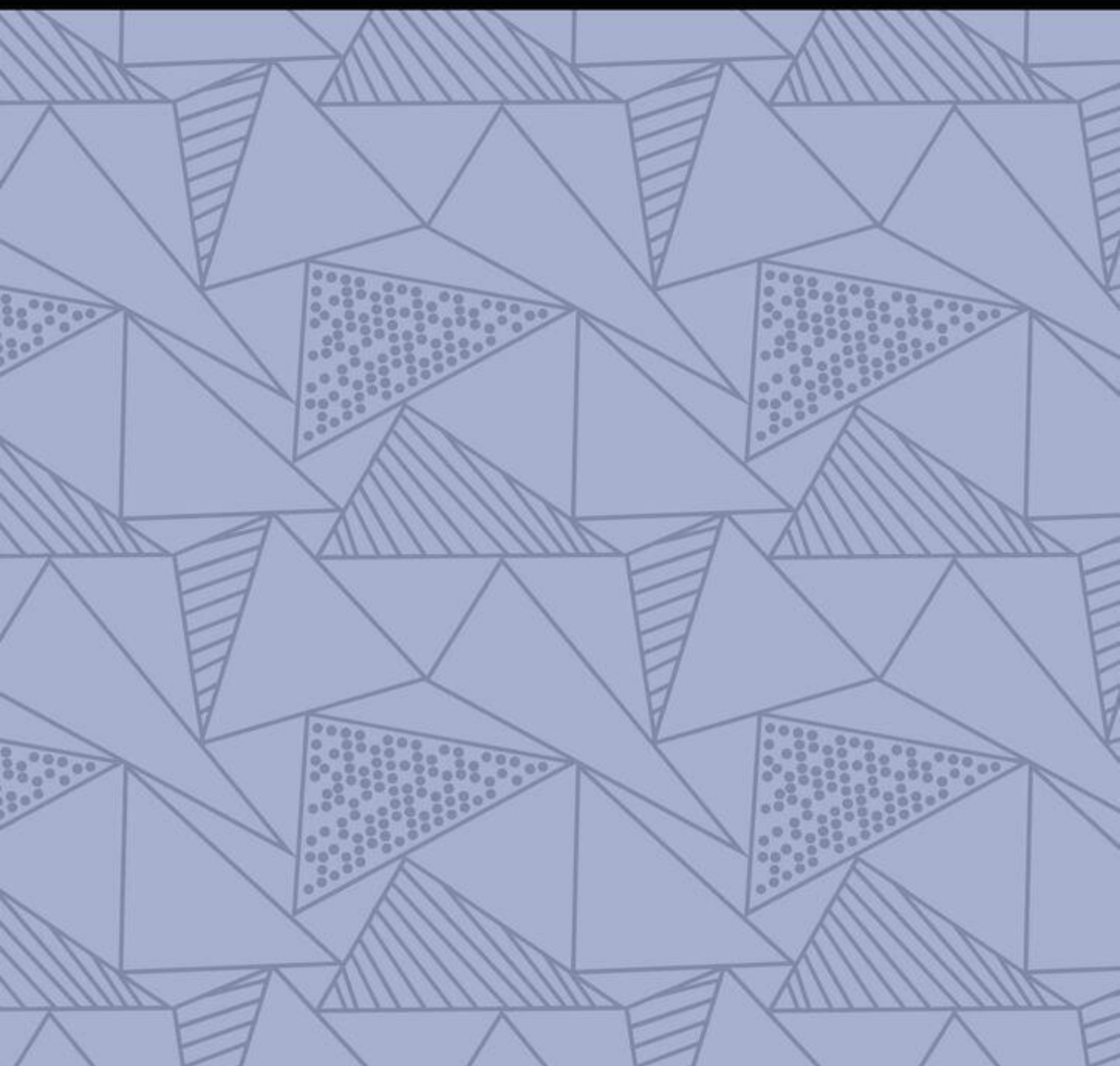

18+

АРИНА ЛОРЕЛЬ

Блондинка на миллион

Арина Лорель

Блондинка на миллион

«Издательские решения»

Лорель А.

Блондинка на миллион / А. Лорель — «Издательские решения»,

«Блондинка на миллион» — роман, от которого не оторваться. Лиссабон, солёный ветер, мужчина, уставший от денег, и женщина, уставшая от страхов. Это прекрасная, зрелая история о любви, которая начинается со случайности и перерастает в выбор. О том, что быть счастливым — это не «идеальные условия», а готовность остаться, когда легче уйти. О том, что прощать себя не менее важно, чем прощать других.

© Лорель А.

© Издательские решения

Содержание

Блондинка на миллион	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Блондинка на миллион

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-1364-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Блондинка на миллион

Пролог

Лиссабон пахнет жареным миндалём и сыростью, которую Тежу тянет из Атлантики. Этот запах — смесь горечи и сладости — въедается в кожу быстрее, чем местное солнце. Трамваи скрипят так, будто их собирали из старых рёбер, и каждый поворот — молитва о том, чтобы колёса не отлетели к чёртовой матери. Но они ездят. Ездят уже сто лет, и будут ездить, когда нас всех не станет.

Азулежу осыпается с фасадов мелкими синими хлопьями, похожими на сухую кожу. Никто не бежит с клеем и кисточкой — здесь вообще не принято чинить то, что ещё держится. Здесь не принято спешить. Кроме чаек, которые орут так, будто им режут плотки, и туристов с чемоданами на колёсиках. Они грохочут по брусчатке с ритмом плохого стоматолога — так, что закладывает уши.

Мила любила этот запах. Запустение пополам со свободой. Дома гниют, но в этой гнили есть что-то уютное, почти материнское. Не как в Берлине — стерильно и зло, где чистота давит, как диагноз. Не как в Париже — красиво до зубного скрежета, до того, что хочется разбить витрину. В Лиссабоне можно быть некрасивой. Можно не притворяться. Можно сидеть на стульях с бумажным стаканчиком, смотреть, как осыпается плитка, и чувствовать себя частью этого медленного разложения.

Она стояла на площади Коммерции, щурилась от ветра — солёного, наглого, настырного, как уличный торговец. Он дул всегда. Он не знал выходных. Волосы — пепельно-платиновые, сто двадцать евро каждые три недели, — лезли в рот, в глаза, в горло, будто пытались задушить её изнутри. Во рту — привкус корицы и утреннего кофе, который она пила стоя у стойки, потому что кофеварка сломалась ещё в прошлый вторник, а чинить её было лень. Или страшно. Она не могла решить.

В сумке лежал контракт. Четыре тысячи евро. Цифра, от которой у неё на мгновение перехватило дыхание, когда она выходила из офиса. Первый нормальный заказ за три месяца — сайт про португальскую керамику. Тексты. Описания. Блоги о том, как глина превращается в искусство. Три месяца работы. Она чуть не заплакала, когда подписывала, но сдержалась — косметика течёт некрасиво, а она не позволяла себе быть некрасивой. Даже здесь. Даже в городе, где это разрешено.

Там же, в сумке, — флакон тоника для поддержания цвета и зеркальце в потёртом чехле из искусственной кожи. Зеркальце, которое помнило три континента, пять расставаний и бесконечное количество «сегодня я выгляжу нормально».

Седые корни уже лезли. Она провела пальцами по пробору — три миллиметра. Три миллиметра седины, которая появлялась как сорняки на газоне, за которым никто не ухаживает. Когда это началось? В тридцать один. Сначала одна нитка, тонкая, серебряная, почти красивая. Потом десять. Потом — привет, зеркало, мы снова встретились.

Парикмахерша Сандра, полная женщина с драконом на предплечье, который, казалось, дышал, когда она мешала краску, сказала тогда: «Мила, это не старость. Это опыт». Мила

ответила: «Я хочу, чтобы мой опыт был платиновым». С тех пор она тратила на волосы больше, чем на еду. Больше, чем на аренду. Потому что платина — это не цвет. Это щит.

«Ты не блондинка, Мила, — подумала она, глядя на своё расплывчатое отражение в витрине магазина снастей, где на крючках висели мёртвые кальмары. — Ты женщина, которая устала быть рыжей. И русой. И шатенкой. Ты устала быть кем-то, кроме себя. Даже если эта „себя“ — просто баба с крашеными волосами и договором на четыре куска».

Тридцать три. Цифра между «ещё можно» и «уже поздно». Как пробка, которую вот-вот выдернут, или как петля, которая ещё не затянулась. В тридцать три она поняла две вещи, и обе были горькими, как тот кофе из автомата на вокзале.

Первое: мужчины после сорока боятся одиночества больше, чем рака. Они могут врать про любовь, про искры, про «ты особенная», но на самом деле они просто не хотят засыпать в пустой квартире, где холодильник гудит, как голодный зверь. И они готовы платить за это внимание — ужинами, поездками, лёгкими комплиментами. Но не готовы меняться.

Второе: кофе за три пятьдесят в туристических местах — говно. Он всегда горчит, а пенка — из порошка, который пахнет химией. Лучший кофе в Лиссабоне стоит евро двадцать в забегаловке без вывески, где хозяин ругается с женой на креольском, и никто не понимает ни слова, кроме интонаций — а они говорят: «Я тебя люблю, но ты меня бесишь, иди сюда». И это честно. Это честнее, чем любой контракт.

Мила вздохнула, поправила лямку сумки — дешёвая кожа облезла на сгибе, и оголившийся синтетический слой выглядел как рана — и достала телефон. Каршеринг. Четыре минуты до Парковки Р4. Надо в Синтру, к клиенту. Мужик лет пятидесяти, который хотел обсудить «стратегию контента» и который пах лосьоном после бритья так сладко, что тошнило. По голосу — надеется на минет в кустах. Она знала этот тип. Она видела их десятки. Контракты, которые подписываются в кафе, а заканчиваются в гостиничных номерах.

Она забронировала серую «Теслу». Электрический, тихий, бездушный. Идеальный автомобиль для человека, который не хочет ни с кем говорить по дороге.

Она пошла быстрее. Кроссовки «Найк», купленные на распродаже в аутлете за Оэйрашем, где левая жмёт в подъёме, но она привыкла — застучали по брусчатке. Мимо — старик с осьминогом в мокром пакете, щупальце свисает наружу, извивается в такт его шагам. Женщина в хиджабе толкает коляску, ребёнок орёт на трёх языках сразу, и никто не обращает внимания. Двое подростков целуются у стены с граффити, так самозабвенно, что хочется отвернуться — или, наоборот, смотреть, чтобы вспомнить, каково это.

Через семь минут она ошибётся дверью.

Она подойдёт к серой «Тесле» на Р4. Нажмёт кнопку на ключе. Машина пикнет — коротко, деловито, как секретарь. И она сядет на пассажирское сиденье, даже не глянув на водителя. В Лиссабоне сначала садятся, потом извиняются. Это правило выживания. Это вежливость, перевёрнутая с ног на голову.

За рулём будет мужчина. Не просто мужчина. Тот, чьё лицо — если она на него посмотрит — заставит её забыть про седину, про контракт, про четыре тысячи евро, про минет в кустах и про кофе за двадцать центов.

Она сядет в эту машину. Не в ту, которую заказала. В ту, которая изменит всё.

Не будет пафоса. Не будет оркестров, замедленных съёмок и голоса за кадром. Всё случится как в Лиссабоне: просто, влажно, с солью на губах. Как поцелуй, после которого не знаешь, что сказать, потому что слова — слишком грубый инструмент. Как закат над Тежу, который длится двадцать минут, а ты помнишь его так ярко, будто он горел внутри тебя.

Она ошибётся дверью. Сядет в чужую машину. Посмотрит на незнакомца.

И это будет лучшая ошибка в её жизни.

Потому что иногда судьба стучится не в дверь. Она открывает дверцу автомобиля и ждёт, пока ты сядешь.

Глава 1

Мила проснулась не от света — солнце в это утро лениво пряталось за Тежу, — а от того, что сосед сверху, судя по ритму, решил не просто повесить полку, а прорубить окно в параллельную вселенную. В восемь утра. В воскресенье. Когда даже чайки на крышах спят вразвалку.

Дрель вгрызалась в бетон с упорством маньяка-любителя. Звук был не просто громким — он был ****тактильным****: вибрация проходила через стены, через старую балку, через матрас и оседала где-то в затылке, как зубная боль, которую нельзя вылечить аспирином. Мила лежала на узкой постели, глядя в потолок с трещиной в форме Австралии — именно так, с Тасманией и заливом Карпентария, — и думала: «Если боги хотят наказать человека, они дают ему соседа с перфоратором и выходным днём». Потом она поняла, что уже не помнит, когда в последний раз видела сны. Только эта чёрная, плотная пустота между «заснула» и «проснулась» — как будто плёнку жизни перематывали без её согласия, оставляя одни лишь склейки.

На ней была старая рубашка Pink Floyd. Белая когда-то, теперь цвета невымытого мела, который остаётся на пальцах после школьной доски. Призрачная радуга на груди почти стёрлась — остался лишь намёк на цвета, как обещание, которое никто не помнит. Мила носила эту рубашку двенадцать лет — с первого года высшей школы, когда она ещё красилась в рыжий (дешёвой краской из супермаркета, пахнувшей аммиаком и отчаянностью) и верила, что дар важнее связей, а талант пробьёт любую стену. Она не выбрасывала рубашку, потому что новая ткань всегда пахнет лавкой — крахмалом, чужими пальцами, синтетическим холодом. А старая пахнет домом. И собой. Точнее, той версией себя, которой ты была до того, как научилась бояться — темноты, молчания в телефоне, предпоследней цифры в банковском приложении.

Дрель стихла на три секунды — Мила выдохнула, даже приоткрыла рот для полноценного вдоха, — и возобновилась с удвоенной силой, но уже с другой тональностью: сосед, похоже, перешёл от бетона к чему-то металлическому. «Он что, бурит тоннель до самого Алфамы?» — подумала она, но кричать не стала. В прошлое воскресенье она орала в потолок так громко, что пришла соседка снизу и сказала, что у неё дрожит люстра. С тех пор Мила предпочитала мысленные монологи.

Она повернулась на бок — простыня смялась под телом, как утраченная нежность, как письмо, которое сложили неправильно и бросили в ящик. Матрас был продавлен ровно посередине, пружины намекали, что их пора менять ещё в прошлом году, но когда сбережения кончились три месяца назад, а наём в Байрру-Алту съедает полторы тысячи без завтрака, матрас может быть хоть сеном, хоть картоном. Жильё было крошечным: двадцать восемь квадратов, кухня-гостиная, спальня, которая одновременно являлась прихожей, и ванная, где нельзя развести локти. Но зато окна выходили на реку. И каждый вечер Мила стояла у подоконника, смотрела на Тежу, на огни моста 25 апреля, на статую Христа с распростёртыми руками на том берегу, и думала: «Я живу в Лиссабоне. Это того стоило». Она повторяла это как мантру, особенно в те дни, когда в почте висели счета за свет, а в холодильнике — одна банка оливок и вчерашний рис.

Дрель затихла окончательно — видимо, сосед ушёл пить кофе или менять сверло. В наступившей тишине комната начала дышать другими звуками: где-то на улице перекликались туристы, трамвай 28 скрежетал на подъёме, и с реки доносился низкий гудок баржи — тоск-

ливый, как зов незнакомого города. Мила нащупала на тумбочке телефон. 8:03. Она заснула в два, потому что вчера правила договор с заказчиком про глиняные изделия — двадцать семь страниц юридического бреда, где слово «ответственность» встречалось тридцать четыре раза, а слово «форс-мажор» — шесть. «Четыре тысячи евро, — напредила она себе, растирая веки. — За них можно потерпеть даже перфоратор, даже двух Жозе, даже конец света».

Она встала. Пол был ледяным — кафель, на который никогда не ступала нога застройщика с чувством эмпатии. Мила натянула шерстяные носки (дырка на пятке, носки держатся на честном слове и силе привычки) и пошлёпала на кухню. По пути она бросила взгляд в маленькое зеркало в прихожей — на неё смотрела женщина с примятыми волосами, следами подушки на щеке и мешками под глазами, в которых можно было бы хранить сувениры. «Тридцать три, — подумала она. — В тридцать три я хожу по дому в лифчике с широкими лямками и не стесняюсь жировых бугорков. Это называется взрослением. Или упадком. Хрен разберёшь».

Жильё пахло. Запахи в её квартире жили своей, отдельной жизнью — они не просто витали, а переплетались, спорили, подчинялись времени суток. Сейчас, в это раннее утро, смешивались три главных оттенка.

****Первый**** — корица. Вчерашняя яичница с овощами, которую она жарила с надеждой на гостей — но гости не пришли (у Жулии случилась мигрень, у Педро — внезапная работа), и Мила съела пол-сковороды одна, стоя у распахнутого окна, потому что в этом городе даже одиночество имеет вкус: кисло-сладкий, с ноткой паприки. Корица въелась в занавески, в диванную обивку, в её волосы — и теперь, спустя двенадцать часов, напоминала о вчерашнем вечере, который должен был быть праздничным, а стал просто тёплым.

****Второй**** — мокрый гипсокартон. Крыша протекала. Не каждый день — только после сильного ветра или особенно настойчивого дождя. Привередливая, как старая женщина с болезненными суставами. Управляющий, сеньор Карлуш, сказал по телефону: «Пришлём мастера через две недели». Это было месяц назад. Гипсокартон теперь пах плесенью и безнадёжностью, и Мила уже научилась не замечать этот запах, как учатся не замечать тиканье часов. Но сегодня он вдруг стал отчётливым — возможно, потому что ночью дул атлантический ветер.

****Третий**** — её собственные духи Montale. «Розовая мука», сладкая и терпкая одновременно, с горчинкой миндаля и ванилью на выходе. Ночью она брызнула на запястья перед сном, потому что показалось, что даже во сне захочется быть красивой. Даже если никто не видит. Даже если всё, что ждёт завтра, — это договоры и чек за воду. Запах духов остался на коже, смешиваясь с естественным теплом тела, и теперь Мила чувствовала его всякий раз, когда подносила руку к лицу.

Она включила кофеварку. Дешёвую, для порционных упаковок, купленную в воздушной гавани в момент слабости — когда посадку задержали, и ей казалось, что ещё одна чашка растворимого кофе превратит её в камень. Кофеварка загудела, чихнула, как простуженный кот, и выдала жидкую струю цвета грязного асфальта. Мила налила в кружку — не в обычную, а в ту самую, с треснувшим ухом. Белую, с надписью «World's Okayest Copywriter» — подарок лучшей подруги Жулии, которая считала, что ирония лечит лучше успокоительного и работает быстрее валидола. Трещина появилась месяц назад, когда Мила уронила кружку в раковину. Она не выбросила её, потому что трещина напоминала ей: даже сломанные вещи ещё могут держать тепло. Даже разбитые слова могут быть сказаны снова.

Она поднесла кружку к губам — и тут же пролила. Кофе плеснул на рубашку, прямо на призрачную радугу. Пятно растеклось быстро, как сплетня в маленьком городке, — тёплое, бурое, неумолимое. Мила уставилась на него с той особенной смесью досады и смеха, которая появляется, когда утро уже не может стать хуже, а значит, дальше только лучше.

— Отлично, — сказала она в пустоту. — Сегодня будет день, когда я пахну бразильским кофе, плесенью и дорогими духами. Унисекс на троих.

Она смотрела на мокрую ткань, прилипшую к животу. Пятно расплзлось, впитываясь в хлопок, и в этом было что-то уютно-отвратительное — как в объятиях человека, который тебе не нравится. Мила вздохнула, стянула рубашку через голову и бросила на стиральную машину. Осталась в белье — бежевом, удобном, из ширпотреба, купленном на распродаже в «Континенте». Не соблазнительном. Не привлекательном. Просто бельё, которое не жмёт, не врёт и не требует комплиментов.

Она налила второй кофе. На этот раз — аккуратно, как химик, проводящий решающий эксперимент.

Телефон на столе завибрировал. Пришло сообщение от Жулии: *«Как дрель? Жива? Заходи сегодня в «Бразилейру» в пять, у меня идея. Ты давно не видела людей». *

Мила усмехнулась. Набрала короткий ответ: *«Если сосед не пробурит до моего этажа — приду. Но без глиняных договоров, только пастиш и сплетни»*.

Она поставила кружку на подоконник, обхватила ладонями горячий фарфор и посмотрела вниз, на утреннюю набережную. Тежу переливалась под серым небом — сталь с серебром. На том берегу Cristo Rei стоял с распростёртыми руками, будто благословлял все сломанные кружки, дырявые носки и недописанные письма, которые никогда не будут отправлены. Мила почувствовала, как внутри, под рёбрами, разворачивается что-то тёплое — не кофе, не надежда, а скорее согласие: с этим днём, с этим запахом, с этой жизнью в двадцать восемь квадратов, которая всё равно принадлежит только ей.

Она сделала глоток. Кофе был горьким, как правда, которую она уже научилась не разбавлять сливками. И в этом была своя красота.

Глава 2

Ванная была размером с телефонную будку — только без двери, с которой можно бежать. Раковина, унитаз, душевая кабина, где локти упираются в стены с обеих сторон, словно ты в железнодорожном вагоне времен Салазара. Зеркало над раковиной пожелтело по краям, как старая фотография, которая лежала в шкафу двадцать лет. Мила включила свет — тусклую лампочку без плафона, которая моргала три раза, прежде чем сдаться и загореться ровным, больничным полусветом. В этом свете все недостатки становились рельефнее, а достоинства — подозрительными.

Она посмотрела на себя.

Три миллиметра предательства у корней. Седые волоски лезли из головы как трава сквозь асфальт — упрямые, серебристые, нахальные. Пепельно-платиновая длина была красивой, дорогой, выдержанной в лучшем салоне Байрру-Алту, но эти чёртовы корни портили всю картину, как мазок чёрной краски на акварели. «Барсучиха», — окрестила её мастерица Сандра, когда снимала фольгу. Мила тогда засмеялась, а потом полтора часа сидела, глядя в собственное отражение, и думала о том, что старость не приходит внезапно — она прорастает. Корнями. В прямом смысле.

Она нанесла красящий состав на корни, массируя кожу головы кончиками пальцев — нежно, почти с нежностью, которую не дарила никому последние полгода. Жидкость пахла аммиаком и надеждой. Пахла «будет лучше», «я это переживу», «я не та, что в зеркале». Через двадцать минут седина уйдёт в небытие, спрячется под слоем краски, и Мила снова будет выглядеть на двадцать восемь. На тридцать. Хотя бы не на свои тридцать три. Она засекла время по телефону: 8:27. Двадцать минут — чтобы почистить зубы, скорчить рожи в зеркале и сказать себе несколько слов, которые не произнесёшь вслух на людях.

Зубы она чистила долго — электрической щёткой, которая жужжала в такт её мыслям. Пена стекала по подбородку, и Мила смотрела, как белая слизь капает в раковину, и думала о том, что недавно прочитала статью: «Утренняя рутина определяет ваш день». Она тогда фыркнула, но сейчас, глядя на себя, поняла, что это правда. Если утро начинается с дрели, краски для волос и мокрого гипсокартона — день будет именно таким. Она сплюнула, прополоскала рот и улыбнулась зеркалу: зубы были белыми, ровными, без налёта — наследство от матери, которая в её возрасте уже носила съёмные челюсти. Мила поблагодарила генетику мысленно.

Кожа лица была бледной — зима в Лиссабоне не такая солнечная, как в открытках, а скорее серая, как бетонные ступеньки Алфамы. Под глазами синева, как после вечеринки, хотя она не пила уже две недели — просто организм не отличает алкогольный запой от бессонницы. Нос чуть крупноват, не тот аристократический профиль, который рисуют на портретах. Губы обычные, без уколов, слегка пересохшие от утреннего воздуха. Мила повернулась профилем: подбородок потерял чёткость лет в двадцать девять, теперь он был мягче, круглее, словно лицо отказывалось от острых углов вместе с юностью. «Мягкая», — сказал бы фотограф на кастинге. «Оплывшая», — сказала бы она себе, но тут же одёрнула: — Ты не уродина. Ты просто устала. Это разные вещи.

Она умылась холодной водой — не ледяной, но достаточной, чтобы взбодрить кожу и заставить поры сжаться. Вода стекала по шее, затекая за воротник, и Мила вздрагивала от

каждого прикосновения. Потом — уход: сыворотка с гиалуроновой кислотой (купила в аптеке, не на распродаже, потому что решила, что лицо заслуживает честных инвестиций), увлажняющий крем с экстрактом алоэ (на самом деле — просто дешёвый немецкий, но пахнет зелёным и свежим), крем под глаза с кофеином (бесполезен, но ритуал есть ритуал). Она наносила их круговыми движениями, как делала её бабушка с жирным кремом «Детский», и шептала про себя: «Всё будет хорошо». Это был обряд, который заменял молитву. В этом городе, полном церквей, она молилась косметике.

Потом она подвела глаза карандашом — чёрным, но не слишком, чтобы не выглядеть неформалкой на деловой встрече. Тонкая линия, чуть шире у внешнего уголка, чтобы взгляд казался более открытым. Тушь — один слой, потому что два уже «вечерний вариант», а день только начинается. Мила моргнула несколько раз, проверяя, не осыпалось ли, и осталась довольна: ресницы стали длиннее, глаза — глубже. Губная помада? Нет, блеск. Прозрачный. Чтобы губы просто были влажными, будто она только что выпила воды из горного ручья, а не стояла в ванной, где пахнет аммиаком и бетоном.

Волосы после красящего состава легли волной — от корней до кончиков. Двадцать минут выдержки сделали своё дело: седина исчезла, как плохой сон, и теперь платиновое сияние переливалось при каждом движении, словно в волосы вплели нити серебра. За это подруги в соцсетях писали «боже, какой оттенок!» и «чей это мастер?», а незнакомцы на улице оборачивались. Но Мила знала правду: это оттенок «я боюсь состариться». Оттенок «я не готова увидеть себя настоящую». Оттенок «пожалуйста, смотрите на волосы, а не на морщины, которые я прячу под тональным кремом».

Она высушила волосы феном — стареньким, с обмотанным изоляцией проводом, который грел воздух до температуры пустыни Сахара. Мила наклонила голову вниз, чтобы придать объём, и несколько минут массировала кожу головы, чтобы волосы легли не плоско. Когда она выпрямилась, в зеркале стояла та самая женщина, которую она привыкла видеть — ухоженная, дорогая, с платиновой гривой и спокойным взглядом. Только внутри всё ещё жила та, которая проснулась под звуки дрели.

Она надела чистое бельё — сегодня чёрное, с кружевом по краям. Не для кого-то. Для себя. Потому что иногда надевание красивых трусов — это акт неповиновения хаосу. Маленькая победа над бытом, над старым матрасом, над недописанными договорами. Сверху — джинсы. Синие, выцветшие на коленях, как будто их носили в 90-х по дорогам Калифорнии, но на самом деле они куплены в «Zara» три года назад и сидят как влитые, потому что Мила не прибавила в весе ни грамма — нервы сжигают калории лучше любого фитнеса. Свитер — свободного покроя, песочного цвета, шерстяной, куплен в благотворительной лавке за восемь евро, с лёгким запахом лаванды, который не выветривается даже после стирки. Свитер был немного колючий, но уютный — как объятие бабушки, которой уже нет, но тепло её рук осталось в памяти. Под ним — та самая рубашка Pink Floyd. Она уже высохла, пятно отстиралось наполовину, оставив на груди бледно-коричневое облачко, похожее на туманное утро над Тежу. Мила решила, что это не портит вид — наоборот, добавляет истории. В конце концов, все хорошие вещи должны иметь следы жизни, а не магазинный запах.

Туфли? Нет, кеды. Белые, когда-то, теперь сероватые, с потёртыми мысами. Жизнь слишком коротка для каблучков по булыжной мостовой Байрру-Алту, где каждый камень норовит вывихнуть лодыжку. Она зашнуровала их крепко, до упора, и постучала пяткой об пол, проверяя фиксацию.

Затем — сбор сумки. Она делала это почти автоматически, как медитацию: переносной компьютер, Apple 2019 года, с клавиатурой, где стёрлись буквы «А» и «Е», аккумулятор держит два часа — ровно на одну презентацию или на полфильма. Тетрадь — подделка под Moleskine, куплена на блошином рынке в Алфаме за два евро, с пожелтевшими страницами и переплёт-том, который скрипит при открытии. В ней Мила записывала идеи, рецепты, иногда — имена бывших любовников, чтобы не забыть, как их звали. Договор в прозрачной обложке — двадцать семь страниц, которые она перечитывала вчера до двух ночи, пока кофе стыл в кружке. Кошелёк — кожаный, чёрный, с потёртыми уголками, внутри двадцать евро наличными и платёжная карта, на которой, если честно, осталось меньше, чем она готова признать. Ключи — три штуки: от квартиры, от почтового ящика и от квартиры Жулии, на случай, если придётся сбегать от дрели. Пузырёк с красящим составом — на всякий случай, вдруг на работе потечет. И губная помада. Всё же она взяла её в последний момент: красную, NARS, купленную год назад на распродаже в аэропорту, ни разу не открытую. «Сегодня, — подумала она, — может быть день, когда я захочу быть ярче». Она сунула помаду во внутренний карман джинсов, как талисман.

И телефон. Всегда телефон. На экране — сообщение от каршеринга: «Серая Тесла, стоянка Р4, готовность 5 минут». Она подтвердила заказ, и через секунду пришло уведомление: «Машина ждёт. Код доступа: 7341». Мила вздохнула — коротко, гортанно, как выдох перед прыжком в воду. Она поправила воротник свитера, взглянула в зеркало ещё раз — уже с расстояния вытянутой руки. Женщина в отражении выглядела готовой: не счастливой, не беззаботной, но живой. Собранной. Вооружённой кофеином, аммиаком и кружевным бельём. Достаточно, чтобы выйти за порог.

— Выхожу, — сказала она вслух. — Выхожу в люди.

Сосед сверху всё ещё сверлил. Но теперь этот звук казался не угрозой, а ритмом. Метрономом, который отсчитывал время до её собственного движения вперёд. Мила взяла сумку, открыла дверь — и шагнула в утро Лиссабона.

Глава 3

Байрру-Алту по утрам выглядит как похмельный аристократ. Узкие улочки, разноцветные дома — жёлтые, розовые, голубые, — балконы с бельём, которое сушится здесь с пятнадцатого века. Воздух пахнет жареным луком и выхлопными газами. На углу стоит кафе «А Браса» — открыто с семи, хозяин Жоау уже жарит бутерброды с ветчиной.

Мила прошла мимо. Она не завтракала — не хотелось. Только кофе, который плеснул на рубашку. Мысль о еде вызвала лёгкую тошноту: нервы.

Она шла быстро, лавируя между приезжими, которые ещё не проснулись до конца и тащили чемоданы по брусчатке, матерясь на всех языках. Старик в берете сидел на раскладном стуле у подъезда и читал газету — он всегда здесь сидел, всегда читал, и Мила подозревала, что он умер лет пять назад, а его тело просто забыли убрать.

Площадь Луиша де Камозэнса встретила её бронзовым поэтом и толпой школьников на прогулке с рассказом. Мила обошла их стороной, нырнула в переулок, где пахло мочой и жасмином. Лиссабон не стесняется своих запахов. Он говорит: «Я такой, берите или уходите».

Она достала телефон, сверилась со схемой. До Р4 — три минуты. Стоянка под землёй, вход с улицы Арсенала.

Мысли скакали как блохи:

— Заказчик в Синтре. Надеюсь, он не предложит «продолжить обсуждение в купели». Хотя за четыре тысячи евро я готова даже выслушать его стихи.

— Корни. Чёрт, через неделю опять к Сандре. Ещё минус сто двадцать евро.

— Жулия сказала, что сегодня прийдёт статью про свадебные букеты. Надо ответить.

Она свернула на площадь Коммерции. Ветер ударил в лицо — солёный, влажный, с океана. Тежу блестела как растопленное олово. На другой стороне реки — изваяние Христа с распостёртыми руками, точное подобие рио-де-жанейрской, только меньше. Мила каждый раз смотрела на неё и думала: «Благослови и меня, чувак. Я тоже немного распята».

Вниз по лестнице — и она в подземной стоянке. Бетонный холод, запах бензина и мочи. Лампы дневного света мерцают, как в кино про восстание мертвецов.

Участок Р4. Ряд машин — белые, чёрные, серые. Её «Тесла» стояла третьей справа. Серая, блестящая, номер на крыше — 6832.

Она нажала на ключ в телефоне. Машина пикнула.

Мила открыла дверь, села на пассажирское сиденье — она всегда садилась на пассажирское, потому что привыкла, что кто-то другой везёт, хотя вечно везла себя сама. Сумку на колени, дверь захлопнула.

И только тогда заметила.

Это была не её машина.

Нет, визуально — та же марка, тот же цвет. Но внутри пахло деревом. И дорогим мужским одеколоном — с нотками ветивера, кожи и чего-то цитрусового. Внутренности машин поминутного проката не пахнут деревом. Они пахнут чужими детьми и пролитым кофе.

На руле лежали руки. Мужские. Длинные пальцы, чистые ногти, без колец. Часы на запястье — Омега, старая, потёртая, но явно не из простого магазина.

За рулём сидел мужчина.

Не просто мужчина. Тот тип, которого в глянце называют «бывший делец, уставший от денег». Сорок три, тёмные волосы с сединой на висках, челюсть, которая могла бы резать стекло. Глаза серые, как атлантический туман. Он смотрел на неё.

Не удивлённо. Не зло. А так, как смотрят на чайку, которая украла бутерброд. С лёгким раздражением и усталой снисходительностью.

— Вы кто? — спросил он.

Голос низкий, спокойный. Каждое слово — как кубик льда в виски. Медленно тает и оставляет послевкусие.

Мила замерла. Её сознание совершило экстренную перезагрузку.

Она ошиблась дверью.

Конечно. Она ошиблась дверью. Восемь утра, недосып, дрель, кофе на рубашке. Она увидела серую «Теслу» с номером 6832 и села. Но это не поминутный прокат. Это частная машина. Чья-то. Его.

— Эээ... — сказала Мила. — Ваша ошибка?

— Моя? — Он медленно повернул голову. — Я ждал сотоварища по делу. Но он, насколько помню, не светловолосая в растянутой рубашке с пятном от кофе.

Мила опустила глаза. Пятно действительно было. Коричневое, на левой груди. Она натянула свитер повыше, но он был колючий, и пятно проступало сквозь шерсть.

«Твою мать», — подумала она.

Вслух она сказала:

— Простите.

И тут же разозлилась на себя за это «простите». Почему женщины всегда извиняются? За то, что существуют, занимают место, дышат? Она ошиблась машиной. Ну ошиблась. Бывает.

— Я ошиблась машиной, — уже твёрже сказала Мила и потянулась к ручке двери. — У вас тоже «Тесла»? Смешно, да? Поминутный прокат, какой идиот...

— Сядьте.

Она замерла.

— Что?

— Сядьте обратно, — он посмотрел на часы. Omega. — Вы сели. Теперь люди видят женщину в моей машине. Если вы выйдете сейчас, через пять минут в местных сплетнях напишут, что у меня затруднения с женщинами.

— У вас есть затруднения с женщинами?

— С вами — пока нет. Но вы очень быстро их создаёте.

Мила захлопнула дверь.

Не потому, что он приказал. А потому что она услышала в его голосе нечто — не угрозу, а усталую, почти печальную насмешку. Как у человека, который слишком много видел и слишком мало спал.

— Знаете что? — сказала она, поворачиваясь к нему лицом. — Я остаюсь. Из упрямства.

Он усмехнулся. Одними уголками губ. Не улыбка даже — намёк на улыбку, как будто внутри него что-то шевельнулось и замерло.

— Меня зовут Дамиан, — сказал он.

— Это должно меня поразить?

— Нет, — он завёл двигатель. Электрический, бесшумный, только лёгкое гудение. — Это чтобы вы знали, кому предъявите счёт за душевничество.

— Мила, — сказала она. — Меня зовут Мила. И я не предъявляю счетов. Я их выставлю. Четыре тысячи евро за три месяца статей про глиняные горшки.

Он посмотрел на неё.

Первый раз за эту короткую вечность — посмотрел не как на помеху, не как на чайку. А как на человека. С любопытством.

— Глиняные горшки, — повторил он. — И вы едете в Синтру обсуждать их?

— А вы? — возразила Мила. — Кого вы ждали? Сотоварища по делу. Который, судя по всему, не пришёл.

— Задержался, — поправил Дамиан. — Как и вы. Но вы хотя бы сели.

Машина тронулась. Выехала со стоянки, поднялась на поверхность. Свет ударил в глаза — лиссабонское солнце, бледное, но настойчивое.

— Куда мы едем? — спросила Мила.

— Я везу вас в Синтру, — сказал Дамиан. — Раз уж вы здесь. А потом вы заплатите мне кофе.

— Почему это я заплачу?

— Потому что я не беру плату за извоз. А вы, судя по рубашке, кофе можете себе позволить.

Она хотела обидеться. Но почему-то не смогла. Вместо обиды в груди разлилось что-то тёплое. Безрассудное. Опасное.

«Ты с ума сошла, — сказала она себе. — Ты села в машину к незнакомцу. Ты не знаешь, кто он. Может, он безумец. Может, он женат. Может, у него в багажнике труп».

— У вас в багажнике труп? — спросила она вслух.

Дамиан улыбнулся. На этот раз полноценно. С морщинками у глаз.

— Сегодня — нет. Понедельник будет сложным.

Мила рассмеялась. И поняла, что проиграла. Потому что смеющиеся люди опаснее красивых.

Они выехали на мост 25 апреля. Река под ними была серой, как его глаза. И ветер дул в окно — солёный, атлантический.

Она ошиблась дверью.

Глава 4

Мост 25 апреля тянулся над водой, как стальная молитва, — красный, ажурный, вросший в небо своими пилонами. Мила смотрела в боковое стекло, прижимаясь щекой к прохладному пластику: река Тежу внизу казалась ртутной, тяжёлой, с медленными маслянистыми волнами, которые не спешили ни к морю, ни обратно, а просто были — как фон, как свидетельство, как обещание, которое никто не давал. Вода отражала серое небо, и от этого она выглядела не синей, а стальной, холодной, почти жидким металлом.

Ветер задувал в приоткрытое окно — сантиметров на пять, не больше, — трепал её платиновые волосы, и Мила пожалела, что не взяла заколку. Волосы лезли в рот, щипали глаза, путались в ресницах, но закрывать окно не хотелось — в машине пахло деревом и Дамианом. Каким-то сложным деревом, в котором угадывались кедр, лёгкий дым и что-то ещё, острое, как цедра горького апельсина. Этот запах был слишком личным для десяти утра воскресенья, слишком интимным для человека, которого она знала всего час. Мила поймала себя на том, что вдыхает глубже, и тут же мысленно отчитала себя: «Ты что, собака? Нюхаешь незнакомца в его собственной машине?»

Дамиан вёл машину с ленивой уверенностью человека, который никогда никуда не опаздывает — или, по крайней мере, делает вид, что время работает на него, а не он на время. Одна рука на руле — вторая лежала на подлокотнике, расслабленная, будто он не держал её, а позволял ей просто быть. Пальцы были длинные, с широкими суставами и чистыми ногтями, без лака, без маникюра. Мила заметила заусенцы на его указательном пальце — крошечные, почти незаметные, но для неё, писательницы, они были красноречивее любого резюме. Странно для дельца, который, как она поняла из короткого обмена фразами в кафе, управляет несколькими отелями на побережье. В её представлении люди с деньгами должны иметь безупречные руки — уход каждую неделю, жирные кремы, полное отсутствие следов ручного труда. Но у Дамиана пальцы были как у ваятеля: с чуть расплюснутыми подушечками, с тонкой сеткой мелких морщинок на костяшках, и на указательном правой руки — маленький шрам, похожий на полумесяц, словно он когда-то неудачно починил что-то острое.

— Вы будете смотреть на мои руки всю дорогу? — спросил он, не поворачивая головы, но краешек губ дрогнул, выдавая усмешку.

Мила вздрогнула. Поймали. Она почувствовала, как щёки начинают теплеть, и быстро отвела взгляд к пролетающему мимо указателю на Оэйраш.

— Я изучаю, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Писательская привычка. Детали говорят больше, чем слова.

— И что вы изучили?

Мила сделала паузу, позволяя тишине заполнить пространство между ними. За окном проплывал ещё один пилон моста, и тени от стальных тросов ложились на приборную панель, создавая узор, похожий на клетку.

— Что вы не носите обручальное кольцо, — начала она медленно, — но у вас есть след от него.

Дамиан бросил взгляд на свою левую руку, лежащую на подлокотнике. Безымянный палец — тонкая белая полоска, почти незаметная, но Мила её разглядела. Кожа под кольцом была чуть светлее, не тронутая солнцем, с мягкой впадинкой, как отпечаток давно ушедшего. Она продолжала:

— Загар кончился месяца три назад. Может, четыре. Аккуратная, ровная полоска, без разрывов — значит, носили долго. Минимум пять лет. И сняли не в порыве эмоций, а осознанно. Иначе след был бы рваным, с покраснениями. Здесь — ровно, спокойно. Как решение.

— А вы наблюдательная, — сказал он после короткой паузы, в которой уместился целый вздох.

— Наблюдательность — моя работа. Или моё проклятие, — она пожала плечом, чувствуя, как ветер снова играет с её волосами. — Так что там с кольцом?

Тишина. Только шины шуршат по асфальту с мягким, мерным звуком — словно машина не ехала, а скользила по чему-то живому. Мила слышала, как тикает поворотник, хотя Дамиан его не включал — должно быть, сработал автоматический датчик на кривой дороге.

— Развёлся, — сказал он наконец, и голос его был лишён драматизма, как констатация факта. — Два года назад.

— Жалеете?

Вопрос вырвался быстрее, чем она успела его обдумать. Мила мысленно пнула себя: «Не лезь, не твоё дело, остановись». Но уже было поздно.

Дамиан молчал ровно три удара сердца. Потом медленно выдохнул, и Мила заметила, как слегка опустились его плечи.

— О разводе? Нет. — Он чуть склонил голову, обдумывая. — О браке — иногда.

Она ждала продолжения. Секунда, две, три — но его не последовало. Вот так люди с деньгами и сдержанной грустью: бросают слово как кость, а ты смотришь — и вокруг неё уже кружат вопросы, как голодные псы на площади. Мила не стала спрашивать дальше. Не потому, что не хотела, а потому, что поняла: такие мужчины не рассказывают о боли при первой встрече. Они сначала проверяют, не разобьёшь ли ты их историю на отрывки для своих любовных романов, не выставишь ли её на продажу вместе с утренним кофе.

— А вы? — спросил он неожиданно, и его голос стал мягче, почти доверительным. — Замужем?

— Нет.

— Были?

— Почти.

Дамиан нахмурился — едва заметно, только уголок брови дрогнул.

— Это как «почти»? — переспросил он, и в голосе послышалось искреннее любопытство, без налёта снисходительности.

Мила усмехнулась — коротко, с горечью. В окне проплывал указатель на Кашкайш, и она на секунду представила, как там, за поворотом, море встречается с утёсами, и люди на яхтах пьют шампанское, никуда не торопясь. А она вспомнила другое море — Москву, её серые волны на высоте двадцать восьмого этажа, мужчину, который обещал «всё, кроме печати», и тот вечер, когда она поняла, что «почти» — это всегда «нет», если прошло два года, а от тебя пахнет не духами, а отчаянием.

— Это когда вы живёте вместе два года, — начала она медленно, разглядывая собственные пальцы, сцепленные на коленях, — покупаете мебель в ИКЕА, идёте на компромисс по цвету дивана и спорите, кто будет мыть посуду. Он говорит: «Я не готов к настоящим отношениям, мне нужно время». А вы уже выбрали имя для кота, которого вы заведёте, когда он наконец решится переехать к вам. И вы понимаете, что время не лечит, оно просто делает боль привычной.

Дамиан издал короткий звук — не смех, а что-то вроде уважительного фырканья. Он повернул голову, на мгновение оторвав взгляд от дороги, и посмотрел на неё с новым интересом.

— И как звали кота? — спросил он серьёзно, без тени насмешки.

— Барсик.

— Барсик, — повторил он, пробуя имя на вкус, растягивая слоги, будто перекатывая во рту камешек. — Хорошее имя. Жалко, что не случилось.

Мила вздохнула.

— Кот или отношения?

— И то, и другое. — Он чуть приподнял подбородок. — Кот — это ведь тоже обещание. Ты не просто берёшь животное, ты берёшь на себя ответственность за его жизнь, его привычки, его старость. Это как мини-брак, только с шерстью и без развода.

Она фыркнула, не сдерживаясь.

— Вы всегда такой философский по воскресеньям?

— Только когда в машине есть красивая женщина с платиновыми волосами и наметанным глазом на чужие руки.

В этот момент мост кончился, и они выехали на открытую дорогу вдоль побережья. Справа открылся вид на Атлантику — бескрайнюю, серо-зелёную, с белыми барашками волн у горизонта. Небо начало чуть светлеть, и в просветах облаков проступала робкая синева, как первый намёк на хорошую погоду. Мила на мгновение задержала взгляд на горизонте, где

линия воды сливалась с небом в одно размытое пятно, и ей показалось, что весь мир — тоже «почти». Почти хороший. Почти твой. Почти настоящий.

Она повернулась к Дамиану. Лицо сбоку — чёткое, как вырезанное из тёмного дерева, с резким подбородком и высокими скулами. Тень от ресниц падала на скулу, и при повороте головы этот профиль напоминал древнюю монету, отчеканенную в честь какого-то короля-мореплавателя. Красивый. Но не той глянцевой красотой, от которой хочется аплодировать. А той — которая заставляет замереть и подумать: «Что с ним не так? Где подвох?» За такой внешностью всегда стоит либо огромная драма, либо огромный эгоизм.

— Вы всегда такой задумчивый? — спросила Мила, нарушая затянувшуюся паузу.

— Только по воскресеньям. — Он усмехнулся, и уголки губ чуть приподнялись, но глаза остались серьёзными. — В понедельник я превращаюсь в козла. Работа, звонки, дедлайны, люди, которые не говорят правды. Всё как у всех.

— А сегодня воскресенье. Значит, я в безопасности?

Он медленно повернул голову. Посмотрел на неё — долго, пристально, так, что Миле захотелось проверить, не испачкала ли она щёку в корице, не высунулся ли у неё из кармана тот самый пузырёк с краской для волос. Взгляд его скользнул по её лицу, остановился на губах, потом снова поднялся к глазам, и в этом движении было что-то древнее, почти опасно-внимательное.

— Сегодня вы в условной безопасности, — сказал он тихо. — Козёл пока спит. Но, — он чуть наклонился в её сторону, и Мила ощутила запах кедра и апельсина, — просыпается он рано.

Она рассмеялась. Или сделала вид. Потому что на самом деле внутри, где-то под рёбрами, что-то ёкнуло — не громко, не навязчиво, а как первый удар метронома, который может либо затихнуть, либо задать ритм всему дню. Мила мысленно обложила себя самыми грязными португальскими ругательствами, которым научилась от соседки сеньоры Элоизы, но вместо облегчения почувствовала, как улыбка становится всё шире.

Она отвернулась к окну, пряча выражение лица, и уставилась на проплывающие мимо сосны на холмах. Но видела она не сосны. Она видела свои руки, которые через два года снова сжимали край чужой машины, и слышала свой собственный шёпот: «Только не опять. Только не сейчас. Ты же обещала себе, что начнёшь смотреть на людей, а не на их руки».

В зеркале заднего вида блеснул отблеск реки — последний, перед тем как дорога ушла вглубь суши. И Мила поняла, что уже не помнит, как выглядит её собственный указательный палец.

Глава 5

Они остановились через полчаса. Не потому, что машине нужна была зарядка — «Тесла» показывала 87% и могла бы доехать до самого Алгарве, — а потому, что Дамиан съехал с трассы без предупреждения, плавно, как будто так и было задумано, и сказал: «Я хочу кофе». Не спросил, хочет ли Мила. Не посмотрел на неё. Просто утвердил факт, как будто она была пассажиром, у которого нет голоса.

Заправка оказалась белой, стерильной, с вывеской, где синий логотип горел даже под серым небом. Перед мини-маркетом стояли пластиковые стулья — оранжевые, слишком яркие для такого утра, — и столики с отверстиями для зонтов. Ветер гнал по асфальту сухие листья и обрывки чеков. Воздух пах горячим и жареным луком — где-то за углом, в невидимом киоске, шипели сосиски в булках, и этот запах смешивался с солёным дыханием океана, который угадывался где-то слева, за полосой сосен.

Мила вышла из машины первой. Ей нужно было распрямить спину. Она потянулась, запрокинув голову, чувствуя, как позвонки щёлкают один за другим, будто счётная машинка, — звук, которого Дамиан, к счастью, не услышал. Ветер на дороге был сильнее, чем в городе, — он хлестал по лицу, трепал её платиновую гриву так, что волосы лезли в глаза, в рот, путались в шарфе. Мила пожалела, что не надела шапку. «Идиотка, — подумала она, пытаясь унять непослушные пряди ладонями. — На море едешь, а без резинки». Платиновая грива металась как знамя — слишком заметное, слишком дорогое знамя для такой дешёвой войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.